

А.В. СВЕШНИКОВ, О.С. СВЕШНИКОВА

ГРУППА АРХАИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ 1930-х гг.*

Одним из ведущих институциональных центров советской исторической науки в конце 1920-х — начале 1930 гг. была Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). Созданная в 1919 г. в качестве преемницы Императорской археологической комиссии и существовавшей на ее основе с 1918 г. Российской государственной археологической комиссии Российская академия истории материальной культуры (РАИМК)¹, ставшая с 1926 г. ГАИМК, в отличие от своих предшественниц включала в ряды своих сотрудников далеко не только археологов. Так, в середине 1920-х гг. сотрудниками РАИМК являлись В.В. Бартольд, В.В. Струве, С.А. Жебелев, Д.В. Айналов, Ф.И. Шмидт, Б.Л. Богаевский, О.Д. Добиаш-Рождественская, Э.Д. Шмидт, Б.Д. Греков. Московскую секцию РАИМК, созданную в 1924 г. возглавлял Д.Н. Егоров. Именно ГАИМК была центром и инициатором разгоревшейся на рубеже десятилетий дискуссии о социально-экономических формациях. По словам А.А. Формозова, в стенах ГАИМК в начале 1930-х были созданы те концептуальные положения, которые на много десятилетий определили развитие советской исторической науки².

С момента основания вплоть до своей смерти в 1934 г. директором ГАИМК был Н.Я. Марр³. Однако, о какой-то стабильности в

*Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям ГК № 02.740.11.0350.

¹Подробнее см.: *Длужневская Г.В.* Деятельность ГАИМК–РАИМК: 1919–1937 // *Археология и социальный прогресс.* М., 1991. Вып. 1. С. 31-44

²См. *Формозов А.А.* ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. // *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографические очерки. М., 2004. С. 164-186.

³О деятельности Марра в советский период см.: *Алтанов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд. М., 2004. С. 79-111; *Он же.* Филологи и революция // *Новое литературное обозрение.* № 53. 2002. С. 199-216; *Голубе-*

деятельности учреждения в этот период говорить не приходится. Напротив, с 1929 г. начался резкий поворот в деятельности ГАИМК, связанный с радикальной трансформацией самого исторического знания⁴. Фактически лидерами ГАИМК становятся такие фигуры как Ф.В. Кипарисов, А.Г. Пригожин, С.Н. Быковский, М.М. Цвибак.

В 1930 г. в ГАИМКе была проведена и структурная реорганизация⁵. Вместо трех отделений были созданы три сектора (архаический⁶, рабовладельческой и феодальной формации), которые с 1934 до 1937 г. назывались научно-исследовательскими институтами, соответственно, истории доклассового, рабовладельческого и феодального общества⁷. В рамках секторов создавались так называемые группы (или бригады) определенной проблемно-тематической направленности. Так, в секторе архаического общества существовали группы по истории доклассового общества, истории хозяйства эпохи бронзы, истории кочевого скотоводства, истории архаического земледелия⁸. Именно в этих проблемно-ориентированных «бригадах»⁹,

ва О.Д. Н.Я. Марр. СПб., 2002; Платонова Н.И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 5. 1996–1997. СПб., 1998. С. 371–382; Она же. «Беззаконная комета» на петербургском небосклоне (академик Н.Я. Марр) // Знаменитые универсанты. Т. 1. СПб., 2002. Klejn L.S. Das Phänomen der sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Frankfurt a. M. etc.: Lang, cop. 1997. P. 198–227.

⁴ А.А. Формозов определяет этот переход однозначно как «разгром» (Формозов А.А. Русские археологи... С. 49).

⁵ См.: Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 51–52.

⁶ «В текущем году сектор архаической формации ставит основной своей задачей изучение производственных процессов в связи с обусловленными ими производственными отношениями на различных ступенях развития общества, начиная с эпохи палеолита и кончая разложением общинно-родового общества. Таким образом, сектор охватывает тот период развития общества, который К. Марксом определен как архаическая формация, отсюда и само название сектора» (СГАИМК. 1931. № 6. С. 35).

⁷ Древности Восточной части Евразии в материалах научного архива Института истории материальной культуры РАН / Автор–составитель Г.В. Длужневская. СПб., 2005. С. 91.

⁸ Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 — середина 30-х гг.) Воронеж, 1986. С. 195; Ср. СГАИМК. 1931. № 6. С. 35.

⁹ Проводились и общие собрания сотрудников сектора, но «работа сектора проходила главным образом в группах» (СГАИМК. 1931. № 6. С. 35).

объединявших специалистов разных поколений, и должна была идти работа над концептуальной перестройкой исторического знания¹⁰. Однако следует признать, что в большинстве своем, в силу краткости существования и усилившегося внутреннего кризиса ГАИМК на фоне постоянных «кадровых чисток» и репрессий¹¹ и поворотом 1934 г. в государственной «политике прошлого»¹², названным бригадам не удалось придать своим поискам законченные формы, хотя, безусловно, были посажены некие ростки, которые впоследствии, часто в работах бывших участников групп, дали весьма заметные всходы в виде фундаментальных концепций и обобщающих работ, оказавших большое влияние на развитие исторической науки.

Группа по истории кочевого скотоводства (группа ИКС) традиционно упоминается в большинстве обобщающих работ по истории советской археологии¹³, есть и посвященные ей специальные работы¹⁴. Другим повезло меньше. Мы попытаемся, основываясь пре-

¹⁰ «В 1929–1933 годах ГАИМК охватила перестройка. Основной задачей переломного 1932 г. в области истории материальной культуры является борьба за коренную перестройку работы на основе марксистско-ленинской теории, за захват решающих позиций в научном изучении исторического процесса», — отмечалось в соответствующем «боевому» духу времени программном тексте (СГАИМК, 1932. № 3-4. С. 3).

¹¹ См.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1930 г. Д. 4. Материалы по чистке сотрудников ГАИМК (Стенографические отчеты общих собраний, протоколы и переписка); *Платонова Н.И.* М.И. Артамонов — директор ИИМК // *Археологические вести.* № 6. СПб., 1999. С. 466-478; *Столяр А.Д.* Триада деятельности М.И. Артамонова // *История и культура древних и средневековых обществ (Проблемы археологии.* Вып. 4.) СПб., 1998. С. 13-21; *Формозов А.А.* Русские археологи и репрессии в СССР // *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004. С. 187-218.

¹² Как справедливо отмечает А.Д. Столяр, именно ГАИМК начала 1930 года был мощным генератором критикуемого с 1934 г. «вульгарного социологизаторства» (*Столяр А.Д.* Указ. соч. С. 15).

¹³ *Генинг В.Ф.* Указ. соч.; *Пряхин А.Д.* Указ. соч. С. 195-196; *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. С. 66-67. Показательно, что последний, резко отрицательно оценивая работу ГАИМК в начале 1930-х, рассматривает деятельность группы ИКС в разделе посвященном следующему периоду «Стабилизация на новой основе (1934–1941)».

¹⁴ *Пряхин А.Д., Писаревский Н.М.* М.П. Грязнов и разработка истории ранних скотоводческих обществ в группе по истории кочевнического скотоводства ГАИМК (1930–1939) // *Исторические чтения памяти М.П. Грязнова.* Омск,

имущественно на архивных материалах, предпринять первую попытку реконструкции истории группы архаического земледелия, созданной в 1930 г. в составе сектора архаической формации. В течение 1930-31 гг. группа провела 15 заседаний, часть из них совместно с группой истории кочевого земледелия. По протоколам заседаний группы¹⁵ и заметкам М.П. Грязнова, сделанным на заседаниях¹⁶, мы можем реконструировать хронологию и тематику ее работы.

2.02.1930 г. Доклад Г.П. Сосновского «(неразб)¹⁷ древнего земледелия в Забайкалье»¹⁸.

4.02.1930 г. Доклад В.В. Гольмстен «Земледельческие поселения Самарской Луки»¹⁹.

4.02.1931 г. Доклад П.Н. Третьякова «Костромские курганы»²⁰.

14.03.1931 г. Сообщение В.В. Ломиа «К вопросу о грузинском плуге»²¹.

4.04.1931 г. Организационное заседание — утверждение календарного плана на второй квартал 1931 г. Председательствовал М.И. Артамонов²².

14.04.1931 г. «1) План проработки тем, связанных с основной проблемой.

2) Обсуждение научно-популярной работы»²³.

Апрель 1931 г. Доклад М.И. Артамонова «Критический разбор теории Э. Гана и др. о происхождении земледелия».

май 1931 г. Доклад М.Г. Худякова «Сообщение по вопросу земледелия в Камско-Волжском крае».

14 мая 1931 г. Сообщение П.Н. Шульца «К вопросу об уровне сельского хозяйства Сев. Причерноморья в предколониальный период»²⁴.

24 мая Доклад Г.П. Сосновского «О древнем поливном земледелии в Енисейском крае»²⁵.

1987. Ч. 1; *Жук А.В.* Дебют ИКСа // Четвертые чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997; *Свешникова О.С.* Забытая работа группы ИКС // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2004; *Жук А.В., Михалева Т.В.* ИКС (по запискам М.П. Грязнова) // Исторический ежегодник, Омск, 2000.

¹⁵ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15.

¹⁶ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. М.П. Грязнова. Д. 54.

¹⁷ В СГАИМК название этого доклада передано как «Следы древнего земледелия в Забайкалье» (СГАИМК. 1931. № 6. С. 36).

¹⁸ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же.

²⁴ Тезисы сообщения сохранились в архиве М.П. Грязнова. — Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. М.П. Грязнова. Д. 54. Л. 8-11.

²⁵ Другое название «Поливное земледелие на Енисее» в заметках М.П. Грязнова. — Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. М.П. Грязнова. Д. 54. Л. 16.

июня Доклад Элле «Чувашский сабан».

июня Доклад В.В. Ломиа «О земледелии в Закавказье. Ч. 2».

июня «Утверждение и обсуждение индивидуальных отчетов о работе в группе за 2 квартал»²⁶.

4 июня 1931 г. Сообщение М.И. Артамонова «Ранние формы земледелия в Приднепровье»²⁷.

4 ноября 1931 г. Сообщение г.П. Сосновского «Поливное земледелие у населения Восточной Сибири»²⁸.

Кроме того, отдельные заседания группы получали краткое освещение в разделе «Хроника» «Сообщений ГАИМК»²⁹. Так, о докладе М.Г. Худякова «О земледелии в пьяноборской культуре» сообщается, что он вызвал оживленную полемику, поскольку автор «ставит вопрос о наличии орудий пашенного земледелия» а большинство членов группы «усматривает в пьяноборской культуре коллективное подсечное земледелие с обработкой земли мотыгой»³⁰. В 1931 г. был сделан доклад А.В. Шмидта, посвященный подсечному земледелию на материалах Северной Америки³¹, а также доклад Г.В. Григорьева «Теория академика Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений и значение ее в истории материальной культуры»³², о котором речь еще пойдет ниже.

В личном архиве Г.П. Сосновского сохранились материалы подготовки к докладам на заседании группы. Внимание ученого было сосредоточено на поливном земледелии³³. Наиболее полно его подход к анализу археологических свидетельств характеризует «План работы “Древнее поливное земледелие в долине р. Енисей”»:

1. Вступление.

2. Древнейшие следы земледелия в Енисейском крае, вопрос о его происхождении. Формы земледелия, предшествовавшие в прошлом и с ним существовавшие.

²⁶ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15. Л. 7. Точные даты заседаний указаны, но дело сшито так, что прочитать их невозможно.

²⁷ Там же. Л. 16.

²⁸ Там же. Л. 22 об.

²⁹ См. СГАИМК. 1931. № 6. С. 36. СГАИМК 1932. № 1-2. С. 71.

³⁰ СГАИМК. 1932. № 1-2. С. 71.

³¹ Там же.

³² СГАИМК. 1931. № 6. С. 36.

³³ Исследования поливного земледелия древней и средневековой Хакасии, начатые Г.П. Сосновским, были так или иначе продолжены Л.Р. Кызласовым. См.: Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 102-106.

3. Физико-географич. характеристика района поливного земледелия на Енисее (почвы, границы распространения, климатические условия и пр.).
4. Обзор сведений о древних оросительных сооружениях в Минусинском крае (Урянхае и прилегающих областях Алтая и Монголии).
5. Общие замечания об ирригационной технике в прошлом на территории Средней Сибири.
6. Другие памятники земледелия, связанные с поливным земледелием: сошники, серпы, жернова, мотыги, плавильные печи, рудники, поселения и проч. признаки оседлости.
7. Датировка оросительных сооружений и др. памятников земледелия на Енисее. Археологические и исторические данные. О земледелии у хакасов и в стране киргизов (границы древней Хакасии). Могильные памятники этого времени. Военное дело — находки оружия, изображения на скалах воинов.
8. Кочевое и земледельческое население. Социальный строй у хакасов и экономика (торговля). Пережитки его у киргизов времени русского завоевания.
9. Причины упадка земледелия в послемонгольское время. Развитие скотоводства. Появление каменных стен — укрепления, беспокойное время. Русская земледельческая колонизация и возобновление орошения. Общие заключения³⁴.

Кроме того, Г.П. Сосновский обращал внимание на специфику восприятия научным сообществом древнего земледелия³⁵.

Декларированной официальной целью коллективной исследовательской работы группы было «исследование вопроса о возникновении и различных формах земледельческого производства в их развитии в различных системах архаического общества»³⁶. В первую очередь «прорабатывался» «вопрос о возникновении пашенного земледелия по материалам Средней Азии, Сибири, Волгокамья, северной лесной полосы в европейской части СССР и Поднепровья»³⁷.

Итогом работы группы должна была стать коллективная монография «Архаическое земледелие» (3 авт. печ. л.), посвященная про-

³⁴ Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Сосновский Г.П. Д. 263. Л. 2-4.

³⁵ Он писал: «говоря об оросительном земледелии, нельзя не коснуться целого ряда вопросов, связанных с древним земледелием и временем его существования в бассейне р. Енисей. К этому меня побуждает и то обстоятельство, что в последних работах, посвященных характеристике древних культур некоторых районов Южной Сибири вы почти не найдете сведений об земледелии, существовавшем задолго до прихода русских на огромных пространствах Сев. Азии и соседних областей следы которого хотя бы и в виде остатков оросительных каналов до их пор сохранились и на Алтае и Тапту — Тувинской Республике, в быв. Минусинском крае, Забайкалье и в Монголии». Там же. Л. 17-18.

³⁶ СГАИМК. 1931. № 6. С. 36.

³⁷ Там же.

блемам эволюции форм земледелия и связанных с ними общественных отношений. Изложение должно было начинаться с ранних форм земледелия и проблемы происхождения земледелия, освещать отдельные формы земледелия: мотыжное, поливное, мотыжно-градковое, пашенное, и заканчиваться проблемой возникновения классового общества. Каждой форме земледелия была посвящена отдельная глава, в которой освещались технология обработки почвы, роль земледелия в организации хозяйства, социальные отношения. К работе были привлечены сотрудники ГАИМК М.И. Артамонов³⁸, В.В. Гольмстен, Г.В. Григорьев, Б.Б. Пиотровский, Г.П. Сосновский, А.В. Шмидт, М.Г. Худяков. Монография не была опубликована и, неизвестно, была ли завершена работа над рукописью. Проспект книги сохранился в архиве ГАИМК.

«Архаическое земледелие.

Вступление: Актуальное значение темы в связи с соц. реконструкцией сельского хозяйства. Задача — диалектика произ. сил и произв. отношений в земледельческом производстве в процессе развития общества

ХУДЯКОВ

Гл. I. Возникновение земледелия и ранние формы его

1. Роль собирательства на первых ступенях развития материальной культуры
2. Дифференциация мужского и женского труда
3. Возникновение земледелия
4. Ранние формы земледелия

а) орудия землед. и переработка продуктов труда

б) возделываемые растения и происхождение культурных растений

в) борьба с сорняками и их значение в возникновении новых видов культурных растений

г) варианты земледелия в связи с естественными условиями и хозяйства (стадиально)

II. Общественная организация земледельческого труда в связи с возникновением рода

а) женское земледелие и матриархат

б) роль мужского труда в земледелии

ШМИДТ

Гл. II. Лесное земледелие (мотыжное)

1. Увеличение хозяйственного значения земледелия
2. Значение мужского труда и мужских орудий производства в борьбе с древесной растительностью
3. Огонь в земледельческом труде и значение золы
4. Обработка пядины /орудия/

³⁸ В «Сообщениях ГАИМК» он назван руководителем группы.

5. Организация производства. Родовая община

0,75

ТРЕТЬЯКОВ

Гл. III. Поливное земледелие

1. Условия его возникновения
2. Типы поливного земледелия

а) болотное

б) самотечное

в) поливное

3. Организация производства

0,5

ГРИГОРЬЕВ, ПИОТРОВСКИЙ

Гл. IV. Мотыжно-грядковое земледелие

1. Условия развития в эту форму примитивного земледелия
2. Интенсификация земледельческого труда
3. Связь с орошением
4. Удобрения
5. Распадение коллективного хозяйства и формы общин

0,5

СОСНОВСКИЙ

Гл. V. Пашенное земледелие

1. Земледелие и скотоводство
2. Расширение обрабатываемых площадей; использование тягловой силы животных
3. Земледельческие орудия

а) возникновение пашенного труда

б) ранние формы: соха

4. Системы земледелия: подсечная, переломная. Значение каменного орудия в поливном земледелии
5. Усовершенствование пашенного орудия и расширение района распространения пашенного земледелия на тяжелые почвы

а) метал. лемех

б) плуг

6. Парацелярное хозяйство и община

0,1

АРТАМОНОВ и ГОЛЬМСТЕН

Гл. VI. Возникновение классового общества

Частное хозяйство в борьбе с общиной

1. Рабский труд
2. Возникновение феодализма

0,75 лист»³⁹.

Перспект коллективной монографии однозначно свидетельствует о том, что земледелие рассматривалось в двух взаимосвязанных аспектах — технологическом и социальном. Причем согласно мето-

³⁹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15. Л. 24-25.

ду восхождения производственные отношения восстанавливались на основании характеристики производительных сил, и, в соответствии с теорией стадильности, определенная форма земледелия означала одинаковые для всех обществ общественные отношения.

В составе группы работало три представителя группы ИКС (В.В. Гольмстен, М.И. Артамонов, Г.П. Сосновский) и подобное совмещение для организации работы ГАИМК того времени было нормальным явлением. Так, Б.Д. Греков, возглавляя в секторе феодальной формации группу «Феодализм в России», являлся сотрудником еще двух групп — «Возникновение феодализма» и «Феодальный способ производства». Кроме того, в качестве докладчиков на заседания «бригады» приглашались и сотрудники других учреждений.

В группу входили представители разных поколений, научных школ и исследовательских традиций. Представителем старшего поколения, сформировавшегося еще в рамках дореволюционной традиции, была Вера Владимировна Гольмстен (1880–1942)⁴⁰. В 1910 г. она окончила Московский археологический институт, где занималась под руководством одного из классиков российской археологии В.А. Городцова. Известно о ее активной исследовательской, педагогической и организационной деятельности в Москве и особенно в Саратове, куда она переехала в 1919 г. Вела полевые исследования в Псковской губернии, Приуралье и (в самарский период) в Поволжье, исследуя самые разные памятники от мезолита до средневековья. В 1929 г. переехала в Ленинград, став сотрудником ГАИМК и Эрмитажа, где заведовала отделом первобытной культуры. Гольмстен была одним из активных сотрудников группы ИКС, отразив в своих публикациях концептуальные результаты ее работы. Следующим по возрасту был Алексей Викторович Шмидт (1894–1935), специалист по археологии Приуралья, выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета⁴¹. Проработав несколько

⁴⁰ Гарустович Г.Н., Минеева И.М. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 6-15; Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара, 2007.

⁴¹ См.: Формозов А.А. Русские археологи... С. 209-210; Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Ижевск, 2002. С. 91-94.

лет в Перми (1918–1923), Шмидт переезжает в Петроград, а с 1930 г. становится сотрудником ГАИМК. Для них обоих работа в ГАИМК была завершением научной карьеры. Шмидт, неоднократно подвергавшийся в печати обвинениям со стороны «идеологов» советской истории материальной культуры, в т.ч. коллег по ГАИМК⁴² (под давлением которых, по словам А.А. Формозова, в его работах начала 1930 г. наблюдается переход к «социологическому схематизму»), умер в 1935 г., а Гольмстен умерла от голода во время блокады.

Однако большинство сотрудников группы были представителями совсем другого поколения, и дело здесь не столько в возрасте. Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972)⁴³ и Петр Николаевич Третьяков (1909–1976)⁴⁴ в 1924 г. окончили ЛГУ, включившись (соответственно – с 1925 и с 1929 г.) в работу ГАИМК. Первый был учеником репрессированного в 1935 г. А.А. Миллера, второй — П.П. Ефименко. Оба занимались железным веком и средневековьем европейской части СССР, впоследствии стали известными учеными, авторами крупных обобщающих работ, а Артамонов уже в 1936 г. стал директором ГАИМК, преобразованной в 1937 г. в ИИМК. В отличие от многих гаимковских аспирантов этого поколения (А.Н. Бернштама, Е.И. Кричевского, В.И. Равдоникаса) оба в обозначенный период, сделали акцент не столько на критике дореволюционной «буржуазной археологии», сколько на полевых исследованиях, будучи при этом принципиальными сторонниками «нового» понимания археологии. Схожей была биография принимавшего участие в работе группы Бориса Борисовича Пиотровского (1908–1990), ученика А.А. Миллера, специалиста по археологии Закавказья.

Еще один участник работы группы, выпускник Казанского университета, переехавший в Ленинград в 1925 г., Михаил Георгиевич

⁴² См.: *Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930. С. 68-76.

⁴³ См.: *Платонова Н.И.* Указ. соч.; *Столяр А.Д.* Указ. соч.; *Он же.* Потенциальная глава истории советской археологии (к столетию со дня рождения М.И. Артамонова) // Исторический ежегодник. Омск, 2000. С. 188-193; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки. СПб., 2003. С. 189-204; *Плетнева С.А.* Предисловие ко второму изданию // *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002. С. 11-34; Литература о нем. – Там же. С. 539-540.

⁴⁴ См.: Петр Николаевич Третьяков. М., 1983.

Худяков (1894–1936)⁴⁵, напротив, был на тот момент известен больше критическими «проработочными» работами⁴⁶. Он участвовал в развернувшейся на рубеже 1920–30-х гг. травле С.И. Руденко. Занимаясь вопросами археологии и этнографии народов Поволжья, Худяков и в работах, посвященных данным проблемам, активно подчеркивал конъюнктурную «политическую значимость». В 1936 г., подобно многим другим «комиссарам в науке» (Ф.В. Кипарисову, А.Г. Пригожину, С.Н. Быковскому), был репрессирован.

Молодой востоковед Георгий Васильевич Григорьев (1898–1941)⁴⁷, ученик А.Ю. Якубовского, только со второй половины 1930-х гг. включился в полевые исследования, проводимые в Средней Азии. Был репрессирован в 1941 г.

Крупнейший специалист по археологии Сибири от палеолита до раннего металла Георгий Петрович Сосновский (1899–1941)⁴⁸ был учеником Б.Э. Петри по Иркутскому университету⁴⁹, учился в аспирантуре у Б.С. Жукова в Москве и с 1927 г., переехав в Ленинград, работал в ГАИМК. Погиб в дни блокады Ленинграда.

Таким образом, получается, что жизненный путь большинства сотрудников группы в силу различных причин прервался к первой половине 1940-х гг., что помешало оформить содержательные наработки по истории архаического земледелия в монографические формы. «Материальным» результатом работы группы стали две весьма отличные друг от друга работы П.Н. Третьякова и Г.В. Григорьева.

⁴⁵ См.: *Кузьминых С.В., Старостин П.Н.* Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. Вып. 1. СПб., 1995. С. 157-172.

⁴⁶ См., напр.: *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933; *Он же.* Великодержавный шовинизм в русской этнографии // Этнография на службе у классового врага: Сб. критических статей. Л., 1932. С. 22-100.

⁴⁷ См.: *Формозов А.А.* Первым бросивший камень // *Формозов А.А.* Русские археологи... С. 219-226; *Заднепровский Ю.А.* Георгий Васильевич Григорьев (1898–1942) // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С. 81-83.

⁴⁸ См.: *Китова Л.Ю.* Исследование археологических памятников эпохи палеометалла Г.П. Сосновским // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 94-103.

⁴⁹ См.: *Сирина А.А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1. 2-е изд. М., 2002. С. 57-80.

В книге, посвященной подсечному земледелию лесных районов Восточной Европы, П.Н. Третьяков, основываясь преимущественно на этнографических материалах XVIII–XIX вв. севера европейской части СССР (удмуртов, мордвы), определяет подсечное земледелие как одну из стадий развития земледельческого хозяйства, весьма архаическую и предшествующую пашенному, что позволяет ему привлекать сравнительный материал из регионов, например, Северной и Южной Америки. Реконструируя земледельческий цикл и используемые орудия труда, он связывает подсечное земледелие с сохранившимся в особых географических условиях лесной зоны больше семейным хозяйством и пережитками «первобытного коммунизма»⁵⁰. Подсечное земледелие рассматривается как «стадия» в эволюции земледельческого хозяйства, сменяющаяся пашенным, а эта смена форм хозяйства, в свою очередь, как предпосылка для перехода к феодализму. В этом плане очень показательна «социальная история сохи», распространение которой Третьяков связывает с переходом к индивидуальному пашенному (т.е. феодальному) хозяйству, считая, таким образом, что она не могла появиться в лесной зоне севера европейской части СССР ранее X–XI вв. В данном случае Третьяков достаточно жестко критикует и «буржуазный» («индоевропейский», «формалистский»⁵¹) миграционизм Д.Н. Зеленина, и попытки «удревнения» истории сохи А.Я. Брюсова⁵². При этом, соглашаясь с многочисленными отсылками к Ф. Энгельсу, он должен признать, что если для южной («нормальной») зоны земледелия «соха... как элемент нового этапа в истории производства, вырастая в условиях подсечного земледелия в соответствии с общим ходом развития производительных сил, окончательно сложившись, в свою очередь дает начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему», то для лесной северной полосы характерно длительное сочетание сохи с подсечной системой, что автор определяет как

⁵⁰ «В условиях своей техники, даже с наличием железных орудий подсечное земледелие возможно лишь как коллективное первобытно-коммунистическое производство» (*Третьяков Н.П.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л., 1932. С. 20). Таким образом, Третьяков отсылает к одному из самых дискутируемых тогда вопросов. См.: *Альмов С.С.* П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е гг. М., 2006. С. 72–80.

⁵¹ Там же. С. 25.

⁵² Там же. С. 27.

«особенность»⁵³ этих районов. Другими словами, конкретный материал при внимательном изучении не укладывается в априорную схему, при всем старании автора сопротивляется ей.

«Титульная» проблематика группы была весьма актуальна. Аграрная тематика привлекала внимание отечественных историков еще в дореволюционный период, что совершенно понятно — Россия была страной преимущественно аграрной, и аграрный вопрос находился в центре общественного внимания и даже политической борьбы. В качестве примера можно отметить формирование школы аграрной истории в области западноевропейского средневековья⁵⁴, хотя речь шла преимущественно об институте собственности на разные виды земельных угодий и о характере общинных отношений. После революции подпитываемая господствующим тогда пониманием марксизма «история производительных сил» приобретает все больший размах, причем работы по этой тематике выходят как из-под пера «старых специалистов»⁵⁵, так и создаются представителями новой генерации гуманитариев в рамках разных дисциплин и жанров (от статей до учебников и научно-популярных работ). В 1920-е гг. активно переводятся посвященные этой проблематике труды зарубежных ученых. В 1923 г. вышли русские переводы сразу двух работ М. Вебера: «Аграрная истории Древнего мира» под ред. Д.М. Петрушевского и «История хозяйства» под ред. И.М. Гревса⁵⁶. После т.н. «дискуссии о формациях», проходившей преимущественно

⁵³ Там же. С. 37.

⁵⁴ *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887; *Он же.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911; *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Удальцов А.Д.* Свободная деревня Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. М., 1912; *Грацианский Н.П.* К вопросу об аграрных отношениях древних германцев времени Цезаря // Сб. статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913.

⁵⁵ См., напр.: *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. 8-е изд. М., Л., 1931. Т. 1.

⁵⁶ *Вебер М.* Аграрная история Древнего мира. М., 1923; *Он же.* История хозяйства: Очерк всеобщей хозяйственной и экономической истории. Пг., 1923. См. также: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. 5-е изд. Пг., Т. 1-2. 1923. Неоднократно издавались и научно-популярные труды Г. Кунова: *Кунов Г., Левин-Дорш Г.* Очерки по истории первобытной культуры. Ч. 1-3. Минск, 1923–1924; *Левин-Дорш Г., Кунов Г.* Первобытная техника. М.-Пг., 1924, *Они же.* Техника доисторической эпохи. Ч. 1-3. Одесса, 1923.

но в стенах ГАИМК⁵⁷, в ходе которой в целом сложилась пятичленная модель исторического процесса, работы по истории производительных сил получили оформление в виде формационной приписки.

Публиковались работы и по истории земледелия⁵⁸, но это были исследования, проводимые на основе письменных или этнографических источников. И в этом плане задача, стоявшая перед группой архаического земледелия, выглядела как новаторская — реконструкция истории производительных сил и производственных отношений на основании археологических источников⁵⁹. Такая постановка проблемы имела смысл в рамках нового понимания археологии как реконструкции именно истории архаических дописьменных обществ, которая противопоставлялась мифологическому «старому буржуазному вещеведению». Археология, по А.В. Арциховскому, это «история вооруженная лопатой». На первый план, при реализации программы группы выходит задача — определить «археологические признаки» форм хозяйствования, т.е. находки, позволяющие атрибутировать данное общество как земледельческое, находящееся на определенном этапе развития земледелия, а затем, в качестве следующего шага, реконструировать на их основе систему аграрных отношений. Как мы видим, тематика докладов, заслушанных на заседаниях группы, была действительно не археологическая, а историческая, или, говоря в терминах того времени, «социологическая».

Первой работой советских археологов, содержащей такой подход и специально посвященной рассмотрению вопросов земледелия, следует считать статью московского археолога А.В. Арциховского с очень показательным названием «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий»⁶⁰. Вопрос о том, какие археологиче-

⁵⁷ См.: *Формозов А.А.* Русские археологи... С. 164-186; *Альмов С.С.* П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920-1950-е годы. М., 2006. С. 72-87.

⁵⁸ *Максимов А.Н.* Накануне земледелия // Ученые записки института истории. Т. 3. М., 1929. С. 21-34.

⁵⁹ Хотя один из участников группы, А.В. Шмидт, был сторонником «этнографических параллелей». См.: *Шмидт А.В.* Об использовании этнографических материалов в работах по истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. № 1-2. С. 12-17.

⁶⁰ *Арциховский А.В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды секции социологии РАНИОН. 1927. Вып. I.

ские материалы являются необходимым условием для характеристики общества как сельскохозяйственного, в ней не поднимался, но высказывался ряд идей относительно информативности сельскохозяйственных орудий как исторического источника. Так, А.В. Арциховский указывал на то, что «особое значение для социологических выводов должны иметь орудия обработки почвы: плуги, сохи, мотыги. Ведь от их устройства гораздо больше, чем от устройства всех других инструментов, зависит производительность труда», в то время как «серп, как и вообще орудия уборки урожая, наименее важен социологически. Человек, один вспахавший поле плугом, все равно не мог один собрать урожай серпом, несмотря на все усовершенствования последнего»⁶¹. В соответствии с этим утверждением А.В. Арциховский выделяет этапы развития сельскохозяйственной техники: первая — обработка земли мотыгой, вторая — обработка земли сохой, третья — обработка земли плугом. На первой стадии в силу низкой производительности труда «земледелие не может прокормить человека и является только добавочным источником его существования». Поскольку мотыгой обрабатывать землю легко, это было занятием женщин. «Во времена мотыжного земледелия женщины занимали совершенно самостоятельное экономическое положение в обществе, которого они не имели ни раньше, до появления земледелия, ни позже, во времена сохи». Появление сохи увеличило количество обрабатываемой одним человеком земли настолько, что «земледелец при благоприятных условиях мог прокормиться всецело своими злаками»⁶². Это привело к прочной оседлости и к разделению общины на отдельные хозяйства. Во второй части статьи А.В. Арциховский в обозначенном ключе разбирает эволюцию античного плуга.

Методологической основой работы представителей группы являлся, как мы видим, эволюционизм, дополненный двумя специфическими для советской науки моментами — теорией стадийности и методом восхождения. Теория стадийности как самими археологами 1930-х гг., так и историками археологии воспринимается как одно из базовых положений советской археологии⁶³. В 1930–40-х гг.

⁶¹ Там же. С. 125.

⁶² Там же. С. 127–128.

⁶³ Теории стадийности посвящены следующие работы: *Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П.* У истоков марксистской концепции советской

она была связана с именем Н.Я. Марра, создателя теории стадильности в лингвистике, известной как яфетическая теория или «новое учение о языке». Понимание стадильности в археологии довольно точно передано В.И. Равдоникасом: «Основные закономерности развития общества в пределах одной формации, при разнообразии конкретных форм их проявления, одни и те же; ни расовые различия, ни географическая среда не могут определять решающую сущность общественно-исторического процесса. Сходство культурных явлений, часто наблюдающееся в истории различных обществ, само по себе не есть основание для заключения о миграциях этнических групп или культурном заимствовании, так как сходные явления возникают совершенно самостоятельно в силу сходства социально-экономических условий жизни различных обществ, в силу этого, мы говорим, о стадильной их общности»⁶⁴. Стадии развития языка, по Марру, не нашли и не могли найти отражения в работах археологов, в то время как стадии развития общества и семейно-родовых отношений стали общим местом исследований 1930–50-х гг. Схема, изложенная Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», стала основой реконструкции общественных отношений в выявленных археологических культурах.

Метод восхождения в определенном смысле являлся выражением стадильности в конкретной исследовательской процедуре⁶⁵. Логика его применения была следующей: орудия труда являются свидетельством производительных сил, которые характеризуют производственные отношения. На этом основании возможно восхождение от обнаруживаемых орудий к характеристике общественного строя. Сформулирован этот метод был в работе А.В. Арциховского

археологии // *Методология и историография археологии Сибири*. Сб. науч. тр. Кемерово, 1994. С. 26-47; *Васильев С.А.* Стадиализм в палеолитоведении: 60 лет спустя // *Археологические вести*. № 5. СПб.: ИИМК РАН, 1998. С. 250-254.

⁶⁴ *Равдоникас В.И.* Археология на Западе и в СССР в наши дни // *Сообщения ГАИМК*. Л., 1932. № 9-10. С. 21.

⁶⁵ Описание метода см.: *Массон В.М.* У истоков теоретической мысли советской археологии // *Краткие сообщения Института археологии*. 163. Институту археологии 60 лет. М., 1980. С. 20-21; *Генинг В.Ф.* Указ. соч. С. 106-108; *Пряхин А.Д.* Указ. соч. С. 114-116; *Глушков И.Г.* Теоретическая мысль в археологии во второй половине 20-х – начале 30-х годов // *Этнокультурные процессы в Западной Сибири*. Сб. ст. Томск, 1983. С. 4-7.

«Новые методы в археологии»⁶⁶ и присутствовал в работах всех советских археологов, в силу отсутствия других способов реконструкции общественных отношений древних обществ.

Наиболее значимыми теоретическими положениями, направляющими общий ход изучения архаического земледелия, были соответствующие суждения, высказанные в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и теория происхождения земледелия немецкого ученого Э. Хана.

Ф. Энгельс в работе, переведенной на русский язык в 1894 г. и неоднократно переиздаваемой в 1920-е гг., как известно, использует традиционную для европейской науки XIX века схему трех стадий «дикость – варварство – цивилизация». Возникновение земледелия, по его мнению, знаменует начало «средней ступени варварства», причем это время оказывается периодом, когда явными становятся различия «скорости» общественной эволюции народов Старого и Нового света⁶⁷. Если в Америке произошел переход к земледелию, то в Старом Свете «средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, по-видимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной»⁶⁸. Выращивание злаков первоначально было связано с производством корма для домашнего скота «...и только впоследствии стало важным источником питания людей»⁶⁹. Переход к высшей ступени варварства Энгельс связывает с началом обработки железа, что позволило европейцам, вкуче с использованием домашнего скота в качестве тягловой силы, перейти к пашенному земледелию, «полеводству». И именно теперь земледелие превращается в «решающую отрасль производства во всем древнем мире»⁷⁰, давая устойчивый прибавочный продукт, т.е. предпосылки для возникновения цивилизации, классового общества и государства.

⁶⁶ Арциховский А.В. Новые методы в археологии // Историк-марксист. Т. 14. 1929. С. 136-155.

⁶⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980. С. 41.

⁶⁸ Там же. С. 43.

⁶⁹ Там же. С. 45.

⁷⁰ Там же. С. 303. Понятно, что комментировать эту схему с точки зрения современной науки никакого смысла нет. Очевидно и то, что для советской науки к началу 1930-х гг. она превращается в непререкаемую догму.

В общих чертах и несколько упрощенном виде теория Э. Хана выглядит следующим образом. Опираясь на идеи Э.Б. Тайлора и отчасти Л.Г. Моргана, Хан считал корректным заменить понятие «культурная стадия» термином «форма хозяйства», т.е. отказаться от схемы «дикость – варварство – цивилизация». «Первоначально, считал он, люди жили охотой и собирательством. Позднее на этой основе в разных районах мира независимо друг от друга произошел переход к мотыжному земледелию. Им занимались главным образом женщины, и мужчины получили возможность больше времени уделять специализированной охоте и рыболовству. Они-то и начали одомашнивать животных, вначале тура, затем коз, овец и т.д. Если мотыжное земледелие представлялось Хану наиболее распространенной древней системой земледелия, то сфера применения некоторых более интенсивных методов (ирригации, садоводства и пр.) была уже (высокие культуры Америки, Китай), а пашенное земледелие было разнесено по Старому Свету из Месопотамии»⁷¹. При этом Хан указывал, что из примитивного «мотыжного земледелия» в ходе эволюции возникли в ряде регионов (в частности, в том же Китае) достаточно рентабельные формы садового и грядкового земледелия. Получается, что известная сотрудникам группы архаического земледелия теория Хана подводит к идее «многолинейной эволюции»⁷².

С середины 1920-х гг. в печати появляются первые работы академика Н.И. Вавилова, посвященные выявлению нескольких мировых центров (очагов) формообразования культурных растений⁷³. Вавилов изначально выделил «пять основных очагов для главнейших полевых, огородных и садовых растений»⁷⁴, хотя впоследствии число, локализация и границы выделяемых им первичных земледельческих центров изменялись⁷⁵. Эта концепция напрямую затрагивала

⁷¹ Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С. 14.

⁷² Показательно, что на одном из заседаний «бригады» М.И. Артамонов посвящает специальный доклад критическому разбору теории Э. Хана.

⁷³ См.: Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений. Л., 1926; *Он же*. Проблема происхождения культурных растений в современном понимании // Природа. 1929. № 5. С. 403-422; *Он же*. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. Л., 1927.

⁷⁴ Вавилов Н.И. Центры... С. 136.

⁷⁵ См.: Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 21-23.

сферу научных интересов группы архаического земледелия. В 1931 г. на заседании группы был заслушан доклад Г.П. Григорьева «Теория академика Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений», а через год, в серии «Известия ГАИМК» была опубликована его брошюра «К вопросу о центрах происхождения культурных растений (разбор теории ак. Н.И. Вавилова)», видимо, написанная на основании текста доклада. Теория Н.И. Вавилова подвергается им жесткой критике: по словам А.А. Формозова, с учетом исторического контекста, напоминающей политический донос⁷⁶. Григорьев считал, что основной недостаток взглядов Вавилова имеет методологический характер. «Сущность ошибок Н.И. Вавилова заключается в том, что может быть, сам того не подозревая, он разделяет точку зрения индо-европеистского языкознания»⁷⁷. Из выделения первичных очагов естественно вытекает «лживая и шовинистская» теория «миграций»⁷⁸. Упрекая Вавилова в «некритическом использовании работ буржуазных специалистов», Григорьев советует ему ознакомиться с работами «своего коллеги по Академии наук Н.Я. Марра»⁷⁹. При этом он декларирует автохтонность земледельческих культур⁸⁰. Но как указывает анонимный автор редакторского предисловия (по А.А. Формозу, им мог быть С.Н. Быковский⁸¹), в общем доброжелательно повторяющий основные «выводы» работы, Григорьеву не удалось создать «положительную часть, в которой были бы развиты взгляды, конкретные построения, конкретные объяснения, противопоставляемые критикуемым автором взглядам, построениям, объяснениям Н.И. Вавилова»⁸². Научная автохтонная, эволюционная, стадияльная концепция возникновения земледелия оказывается в принципе невозможной⁸³. В этом плане становится утопичной сама попытка создания универсальной концепции исто-

⁷⁶ См.: Формозов А.А. Первым бросивший камень... С. 221-223.

⁷⁷ Григорьев Г.В. К вопросу о центрах происхождения культурных растений. Л., 1932. С. 11.

⁷⁸ Там же. С. 16.

⁷⁹ Там же. С. 21.

⁸⁰ См.: Там же. С. 12.

⁸¹ Формозов А.А. Первым бросивший камень... С. 226.

⁸² Предисловие // Григорьев Г.В. К вопросу... С. 1.

⁸³ Невозможно согласиться с А.Д. Пряхиным, говорящем о влиянии работ Н.И. Вавилова на сотрудников ГАИМК (Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 196).

рии земледелия и написания на ее основе обобщающей монографии, опирающейся на археологический материал.

Исторический материал противоречил построению универсальной «социологической схемы» последовательной смены земледельческих форм как предпосылок формирования классового общества. Поставленную «сверхзадачу» группа выполнить не могла.

В качестве значимого в контексте эпохи вывода следует обозначить идею об обусловленности географическими и природно-историческими факторами различных вариантов генезиса, функционирования и дальнейшей эволюции земледельческого хозяйства. Именно локальным сюжетам посвящены основные доклады и опубликованная работа П.Н. Третьякова. Другими словами, группа пришла к выводу о многолинейности и вариативности эволюции земледелия, к выделению «параллельных типов» земледельческого хозяйства, т.е. к выводу, противоречащему теории стадильности, что в определенной степени и заблокировало ее работу.

Кроме того, была обозначена проблема выделения археологических признаков земледельческого общества, попытки разрешения которой советские археологи осуществили уже в последующие годы. Нельзя сказать, что эти попытки осуществлялись под непосредственным влиянием наработок представителей группы, но они шли «параллельными курсами».

Уже к концу 1930-х гг. сложился определенный консенсус по вопросу об археологической атрибуции земледельческого общества. Основное требование к атрибуции — комплексность. Отдельные признаки редко являлись достаточным основанием для характеристики формы хозяйства, необходимо было их сочетание в памятниках одной культуры, которое могло быть различным. А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий писали: «Земледелие... может быть установлено по довольно большому количеству разнообразных орудий, связь которых с земледельческим процессом бесспорна: серпы, зернотерки, жернова, песты и другие изделия. Кроме того, ...случаи находок остатков злаков»⁸⁴. Наиболее полный перечень таких оснований приводит С.В. Киселев при описании хозяйства андроновской культуры. 1) «Прежде всего находки в двух землянках каменных мотыг».

⁸⁴ Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Л., 1935. С. 69.

2) «Находка бронзового серпа в женском погребении. Найденная каменная литейная форма, приспособленная для одновременной отливки трех серпов такого типа, свидетельствует о большой потребности у местного андроновского населения в этих земледельческих орудиях». 3) Находки на жертвенном холме «остатков сожжения хлеба в виде пережженных зерен и стеблей пшеницы. Такое повторенное несколько раз применение пшеницы в культовом обряде говорит в пользу значительности роли андроновского земледелия». 4) «Находки на всех алексеевских землянках зернотерок и курантов к ним». Указываются также связанные с земледелием особенности андроновской культуры: «оседлость, проявляющаяся не только в жилище, но даже в плоскодонности сосудов, появление деревянных конструкций и характерные черты идеологии (в религии — культ солнца и жертвы хлебом, в искусстве — геометрический и меандровый орнамент)»⁸⁵.

С середины 1930-х гг. появляется в печати целый ряд работ, авторы которых, преимущественно историки, исследуют различные аспекты истории архаического земледелия, сельскохозяйственных орудий труда и аграрных отношений. Часть этих исследований связана с Институтом истории науки и техники. Однако авторы этих работ имплицитно, но достаточно четко дистанцируются и от стадильности, и от автохтонности, и от социологизма предшествующих лет, дистанцируются от стиля ГАИМК начала 1930-х годов.

А свою официальную историю группа, кажется, завершила в 1931 г., когда сектор подвергся очередной организационной перестройке. В отчетах сектора за 1932 г. говорится о работе трех «бригад»: «бригада родового общества... родового общества ...и разложения родового общества»⁸⁶.

⁸⁵ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Л., 1949. С. 59.

⁸⁶ СГАИМК. 1932. № 11-12. С. 74.